

СЕКЦИЯ 2 ОРЫС ТІЛІНІҢ СИНХРОНИЯСЫ МЕН ДИАХРОНИЯСЫ РУССКИЙ ЯЗЫК В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

УДК 81'

Т.В.Фурсанова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: tvfursanova@mail.ru)

Концепт «время» как фактор манипуляции в политическом дискурсе

В статье рассмотрены прагматические основания манипулятивности политического дискурса. Как ресурс манипулятивного воздействия проанализирован макроконцепт «время» в системе его микроконцептов «прошлое», «настоящее», «будущее».

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, концепт, манипуляция, общение, институциональный дискурс.

В современной теории дискурса принято различать персональный (личностно-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. Персональный дискурс, представленный двумя видами общения: бытовым и бытийным, подразумевает, что говорящий выступает как личность, со всеми присущими ей личностными характеристиками и особенностями. В бытийном дискурсе общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы.

Институциональный дискурс характеризуется тем, что говорящий выступает как представитель определенного социального института в рамках установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм. Коммуниканты в институциональном дискурсе предстают не столько как личности, индивиды, сколько как носители определенного социального статуса, то есть ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации — учителя и ученика, ученого и коллеги, журналиста и читателя и т.д. Одним из примеров институционального типа общения служит политический дискурс [1].

Несмотря на то, что теория политического дискурса активно разрабатывается мировой лингвистикой с 50-х годов XX в., общепринятого толкования термина «политический дискурс» до сих пор не сложилось. Не углубляясь в суть разночтений, отметим, что в научной литературе наметилось два подхода к определению его содержательных границ: узкий и широкий.

В первом случае понятие «политический дискурс» соотносится с ситуациями собственно политического общения, такими как парламентские дебаты, законодательные акты, речь президента, других политических деятелей на заседаниях властных структур, в предвыборной кампании и т.п.

Во втором — в этот перечень включают и проблемную статью, и интервью с политиком, и обзор политической, экономической, социальной обстановки в стране, подаваемый журналистом в политическом ключе. Другими словами, содержание термина в широком смысле составляют все речевые образования участников официального общения, так или иначе затрагивающие политику.

Рольевая структура политического дискурса, по описанию Е.И.Шейгал, предполагает разграничение профессионалов/агентов и непрофессионалов/клиентов. В качестве агентов выступают имеющие в любом обществе политические институты: парламент, правительство и другие институты, конкретизирующиеся в социальных ролях их представителей, наделенных правовыми полномочиями. Дальнейшая дифференциация институциональных ролей политического лидера связана с исполнением конкретных официальных должностей во властных структурах (глава государства (монарх, король, царь, президент), премьер-министр, спикер, лидер партии или парламентской фракции). Главная задача агентов в самом общем виде — борьба за власть (овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение).

В качестве клиента политического дискурса выступает все население, прибегающее к услугам политических институтов [2].

Можно отметить, что принятая автором терминология отражает специфику моделей поведения коммуникантов: агент (субъект действия, агенс, деятель) — инициатор общения, активная сторона дискурса. Клиенту же (преимущественно массовому) отводится пассивная роль ведомого. Это изначальное неравенство позиций участников коммуникации (в каком бы дискурсе оно ни имело место), на наш взгляд, неизбежно приводит к применению непаритетных способов общения, в том числе манипуляции одних сознанием других: родители манипулируют детьми, учителя — учениками, политик — электоратом и т.д.

К жанрам политической коммуникации с групповым субъектом относятся обращения, листовки, выступления на митингах. В политическом дискурсе Казахстана особое место занимает жанр послания, реализующий одну из основных функций политической коммуникации — функцию ориентации, суть которой сводится к формированию в сознании социума, через формулирование целей и проблем, картины политической реальности.

Разъяснение и оценка политической ситуации в обществе, формирование нужного мировоззрения и убеждения, всяческое препятствие деятельности политических противников — таковы задачи агентов политдискурса на каждом этапе его реализации. Агентам дискурса не столь важно знать мнение клиентов, важнее информировать о собственных взглядах и ценностях, пропагандировать и внедрять их в сознание граждан.

Кстати сказать, если в каких-то иных типах дискурса ценности могут быть скрытыми, подразумеваемыми, то суть политического дискурса состоит в открытом утверждении ценностей, поскольку именно они заявляются как объект желания, цель достижения. Более того, важность этих ценностей постоянно подчеркивается, на них ссылаются политики, журналисты, регулярно «напоминая», что в основе их деятельности лежит неустанная забота о созидании и укреплении этих ценностей как жизненно необходимых для процветания самого общества.

Как отмечает В.З.Демьянков, эффективность политического дискурса в большой степени зависит от того, насколько символы, концепты, которыми оперирует агент (политик, журналист), близки массовому сознанию: его образ мыслей, высказывания, должны «укладываться во «вселенную» мнений и оценок» клиентов (граждан, читателей). Или сделать так, продолжим мы, чтобы клиент поверил, что пропагандируемые агентом концепты и ценности соответствуют его (клиента) собственным предпочтениям. Другими словами, стратегическая цель политического дискурса — не просто «описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию», «внушить гражданам необходимость «политически правильных» действий и оценок» [3], то есть таких, которые соответствуют взглядам идеологического принципа. Прагматическая установка на убеждение на уровне реализации часто подменяется внушением, то есть фидеистическим воздействием, а это прямой путь к манипулированию общественным сознанием.

Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе направлено не на отдельных индивидов, а на общество в целом (клиент дискурса), оно ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном манипуляторам направлении. Манипуляцию общественным мнением можно рассматривать как комплексную стратегию убеждения с целью навязывания коллективных ценностей и преобразования ментальности определенной группы людей для поддержания власти правящей элиты, а шире — для «воспроизводства сложившегося статус-кво в социальной структуре» [4].

Чтобы привлечь массового клиента на свою сторону, политический агент рисует картину реальности, которая непременно наступит с его приходом к власти и будет ценностно несравненно лучше той, которая существовала до него. Ценности, делающие картину мира привлекательной для клиентов политического дискурса, содержательно соотносятся с «опорными» концептами дискурса, «топиками дискурса» (по Демьянкову) [5], образующими его концептосферу. В этом смысле сам «дискурс может рассматриваться ... как совокупность апелляций к концептам» [6; 38].

Свое понимание концепта мы соотносим со следующим рассуждением В.А.Масловой: «Концепт... это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепты — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений различных мнений... Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов» [6; 28].

Концепты, обладая свойством изменчивости, непрерывно модифицируются и уточняются человеком, сообразно его опыту, миропониманию и прагматическим целям. Именно поэтому апелляция к

концепту, на наш взгляд, может стать фактором манипуляции. Эту свою мысль мы и пытаемся обосновать на примере реализации концепта «время» в политическом дискурсе Казахстана (языковой материал извлечен из Послания Президента Н.А.Назарбаева народу Казахстана от 29.01.2010 (ПП) и областной газеты «Индустриальная Караганда» (ИК) за 2007–2009 гг).

Когнитивная лингвистика определяет «время» как важнейший концепт культуры, наряду с концептами «пространство» и число образующий концептосферу мир. Эти концепты носят универсальный характер, поскольку служат «системой координат», при помощи которых люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его [6; 71].

Как универсальный, общечеловеческий феномен культуры и категория многих наук, концепт «время» имеет сложное, «многослойное» содержание. В политическом дискурсе актуален социальный аспект времени. Социальное время — это форма общественного бытия, которая характеризует становление человеческой деятельности и последовательность различных стадий в историческом развитии. Говоря о социальном времени, выделяют время индивида (жизненный путь конкретного человека), время поколения (длительность актуальной жизнедеятельности современников) и время истории — качественно высший уровень социального времени. С этим концептом связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам.

В сознании людей время может быть прошедшим, настоящим и будущим. Каждый из этих видов времени становится микроконцептом — «прошлое», «настоящее», «будущее» — в концептуальной системе, которую озаглавливает макроконцепт «время». В политическом дискурсе время — базовая категория, «опорный» концепт, поскольку интерпретация его смысла помогает агентам дискурса осуществлять свои прагматические интенции: формировать у клиентов «правильное» отношение к прошлому, объяснять настоящее и прогнозировать будущее.

Так, например, политиками по-разному интерпретируется прошедшее время, концепт «прошлое», в котором наука выделяет три вида времени: историческое, периферийное (термин М.И.Стеблин-Каменского) и мифическое. Историческое время — это прошлое, о котором народ сохранил относительно достоверные сведения; периферийное время — это прошлое на краю общественной памяти, воспоминания о нем смутны, последовательность и связь событий люди уже плохо представляют. Мифическое время — это время, лежащее за пределами народной памяти, здесь трудно сказать, какое событие произошло раньше другого; события плавают как в плазме, то есть вне всякого времени [6; 76].

В политическом дискурсе актуально прошлое историческое. Этот концепт наполняется разным содержанием в зависимости от интенций агентов дискурса. Для придания большей привлекательности рисуемой ими реальности своего пребывания у власти намеренно снижается значимость «фона» — предшествующей эпохи, прошлого, которое характеризуется как сложный, в целом негативный период истории страны, время ошибок и нерешенных проблем. Груз прошлого осложняет жизнь в настоящем и служит препятствием на пути к заветному будущему. Но это временные и вполне преодолимые трудности: агенты дискурса ясно видят цель и знают средства достижения ее — надо только приложить совместные с клиентами усилия, и трудности будут преодолены:

«Всего несколько лет назад мы были слабым государством, с неразвитой инфраструктурой, но мы нашли в себе силы преодолеть все это, и вывести страну из застоя» (ИК. № 148. 2007);

«Совсем недавно нас не воспринимали как самостоятельное государство, не верили в наши возможности» (ИК. № 148. 2007);

«Затевать внутренние конфликты в условиях, когда государство находится в очень хрупком и нестабильном окружении, это именно дорога в ад. Кто хочет это понять, может поглядеть на трагический опыт соседей. Или посмотреть в прошлое — примеров национального раскола более чем достаточно. Таких ошибок мы не повторим» [ПП];

«Да, времена были, что даже вспоминать не хочется!» (ИК. № 129. 2007);

«Кризис — это не самое страшное, что пришлось перенести нашему государству. Антикризисная программа выстроила перед нами довольно радужные перспективы, и у нас нет повода в этом сомневаться» (ИК. № 14. 2009).

В ситуации же необходимости мобилизовать народ на борьбу с проблемами, активизировать его самосознание, подчеркнуть общность исторической судьбы как залог единства народа и власти агенты политдискурса характеризуют прошлое как время славное, героическое:

«Трудные и героические годы войны сплотили наш народ, сделали нас сильнее» (ИК. № 112. 2007).

Однако такая романтизированная интерпретация прошлого носит, на наш взгляд, скорее ритуальный характер, поскольку имеет место чаще всего в речах по поводу исторических дат, связанных с Великой Отечественной войной, или используется в качестве эмоционального фона в ситуациях мобилизации сил, сплочения и единения клиентов и агентов.

В политическом дискурсе время настоящее — «сегодня» — это время преодоления ошибок и недостатков прошлого и становления новой, лучшей реальности. Это некий мост в будущее: совместными усилиями народа и власти сегодня закладывается фундамент будущего демократически развитого, конкурентоспособного государства:

*«Мы живем во **время преодоления кризисной ситуации**, сложившейся в стране» (ИК. № 13. 2008);*

*«Сегодня — это **время становления конкурентоспособного государства**» (ИК. № 112. 2008);*

*«Сегодня — это **время становления демократически развитого государства**» (ИК. № 13. 2008);*

*«Казахстан — сегодня — страна с **устойчивым экономическим ростом, стабильной политической ситуацией и межнациональным согласием**» (ИК — № 132 — 2008);*

*«Отрасль здравоохранения в **настоящее время переживает возрождение**. Происходят значительные изменения в лучшую сторону, в том числе и в нашей области. Ежегодно выделяются значительные финансовые средства для приобретения нового медицинского оборудования» (ИК. № 131. 2008).*

Сложности настоящего времени трактуются как явления кратковременные и, безусловно, успешно преодолимые:

*«Сейчас на дворе не 90-е кризисные годы, в данный момент страна переживает сложный экономический период, но который продлится **недолго**». «Тема кризиса волнует сегодня всех. Очень важно, что именно в этот момент прозвучали обнадеживающие слова в Послании народу о том, что казахстанское общество достойно преодолеет **временные трудности**. Особенно запал в душу призыв Президента не только противостоять кризису, но и готовиться, приблизить этап грядущего экономического роста» (ИК. № 169. 2008);*

*«Кризис — это **не самое страшное, что пришлось перенести** нашему государству. Антикризисная программа выстроила перед нами довольно радужные перспективы, и у нас нет повода в этом сомневаться» (ИК. № 14. 2009);*

«Мы воочию убеждаемся, что становимся частью мировой экономики и неизбежно входим в русло глобальной конкуренции» (ПП).

Констатирующий характер высказываний, номинализация, преобладание однотипных предложений, описывающих пропозиции качественной характеристики, порождающие своеобразные идеологические формулы — идеологемы (*время преодоления кризисной ситуации, время становления конкурентоспособного государства*), устойчивые словосочетания с семантически размытыми определениями (*сложный период, временные трудности, значительные изменения, значительные средства*), придают дискурсу характер увещаний, рассчитанных, конечно же, не столько на рациональное, сколько на эмоциональное восприятие, на веру.

Центральное место в концептуальной системе «время», интерпретируемой агентами политического дискурса, занимает микроконцепт «будущее». Используя вечную веру человека в светлое будущее («завтра будет лучше, чем вчера»), политики направляют все усилия на словесное моделирование «прекрасного далека» с целью увлечь за собой как можно больше сторонников. Осуществляется такое прогнозирование в программных документах (в нашем случае — в жанре Послания) властных структур, затем журналисты, как проводники идеологии власти, распространяют в широких массах убеждения и мнения политического принципала. При этом и клиенты-политики, и клиенты-журналисты стремятся сделать так, чтобы массы воспринимали эти мнения и убеждения как соответствующие их интересам. Привлекательнее окажется та картина будущего, параметры которой в большей степени совпадут с ценностями клиентов дискурса. Поэтому политиками эксплуатируются бесспорные для народа ценности, такие как свобода, независимость, безопасность, социальное благополучие, экономическая стабильность, здоровье.

В целом любое прогнозирование будущего утопично, что само по себе служит поводом для манипуляции. Но если вербализацию ближайшего будущего (как и тенденциозное описание прошлого и настоящего) так или иначе сопровождают логические аргументы убеждения (факты, статистика, например):

«Средний размер пенсий будет увеличен в 2010 году на 25 процентов, и на 30 процентов в 2011 году» (ПП);

«Как и было запланировано, в 2010 году зарплата бюджетников и стипендии будут увеличены на 25 процентов, а в 2011 году — еще на 30 процентов» (ПП),

то описание отдаленного будущего чаще всего носит характер констатаций-обещаний (преобладание морфологической формы сложного будущего времени), предписаний (модальность долженствования), перформативов-призывов, заверений в незыблемости заявленных ценностей (употребление форм настоящего времени в значении будущего), то есть рассчитано на фидеистическое воздействие:

«Качественное образование от детского сада до университета **будет доступным** по всей стране в каждой семье» (ПП);

«Повышение качества жизни наших аулов и сёл будет оставаться приоритетным направлением государственной политики» (ПП);

«К 2014 году более 80 % внутреннего рынка продовольственных товаров **должны составлять** отечественные продукты питания» (ПП);

«Важный вопрос нашей стратегии — достойное обеспечение жизни незащищённых членов общества — это дети, их матери и старшее поколение. Государство не будет жалеть средств на решение этих вопросов. Мы приняли и **будем реализовывать** конкретные меры по обеспечению лекарствами детей и беременных женщин» (ПП);

«Но я **призываю** всех казахстанцев, все политические объединения **сплотиться** ради общего прогресса, будущего нашей страны» (ПП);

«Я **призываю** регионы **стать** экономически амбициозными» (ПП);

«Главное — **дальнейшее развитие** гарантий прав и свобод граждан Казахстана, свободы слова, объединений и политического волеизъявления» (ПП);

«Наши независимость, национальная идея, благополучие будущих поколений **остаются незыблемыми на века**» (ПП);

«Программа развития до 2020 года будет вам роздана и опубликована в печати. Мы практически по месяцам знаем, что, где и как **будет сделано и построено**» (ПП).

Таким образом, в целях решения собственных прагматических задач агенты политического дискурса моделируют картину мира, используя иллюкативный ресурс концепта время в системе его микроконцептов: прошлое, настоящее, будущее, политический смысл которых нашел точное выражение в следующем фрагменте Послания: «*Прошлое преподало нам немало суровых уроков. Народ сполна испил их горечь. Но сегодня казахстанцы сами хозяева своей судьбы. Новый век настаёт. У меня есть уверенность, что это будет лучший век в истории Казахстана. Век, который войдёт в нашу историю как столетие созидания и мира.*»

Эмоциональная приподнятость речи, идеологическая декларативность, призывность, модус долженствования и необходимости, обрамляющий семантические ситуации борьбы и преодоления, — признаки романтического пафоса, коннотативно соотнесенного с семантикой самой номинации программного жанра дискурса — «послание». Классическая риторика знает, что романтический пафос наилучшим образом способствует восприятию внушаемых идей и ценностей, побуждает к принятию сильных решений, свершению неординарных действий и поступков. Клиенты политического дискурса используют силу пафоса в своих прагматических целях.

Список литературы

- 1 Карасик В.И. О типах дискурса // <http://www.rusland.com/education/discipline/philology/discurs/material/material2>.
- 2 Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология — Philologica. № 14. — Краснодар, 1998. — С. 22–29.
- 3 Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // <http://www.infolex.ru>
- 4 Методы манипулятивного воздействия телевидения на общественное сознание. <http://www.library.ru/help/guest.php?RubricID=10&PageNum=63&hv=7&lv=2>
- 5 Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. — 1994. — № 4. — С. 17–33.
- 6 Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В.А.Маслова. — Мн.: ТетраСистемс, 2004. — 256 с.

Т.В.Фурсанова

Саяси дискурстағы «шақ» концептісі манипуляция факторы ретінде

Мақалада саяси дискурстың манипулятивтіліктің прагматикалық негізде қарастырылды. «Шақ» макроконцептісі жүйесіндегі оның «өткен», «келер», «осы» микроконцептері манипулятивтік әрекет ресурсы ретінде сарапталды.

T.V.Fursanova

Concept «time» as a manipulation factor in a political discourse

This article discusses the pragmatic basis of the manipulative political discourse. As a resource makrokoncept is analyzed effects of manipulative «time» in his mikrokonceptov «the past, present, future».

УДК 81'

М.К.Пак, Т.Н.Витковская

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: vitkovskya_tania@mail.ru)

Лингвокультурологические особенности номинаций контаминированных праздников в диалектной системе

В статье рассматриваются место и роль праздников в духовной жизни русского народа. Праздники, по мнению авторов, являются одной из наиболее устойчивых форм культуры и истории с ее богатыми традициями. В настоящее время актуальными являются вопросы формирования и сохранения самобытности русского народа и для того, чтобы реконструировать праздники, необходимо обратиться к языковому материалу. Авторы анализируют уникальный источник для восстановления особенностей картины досуга и быта древних славян, который может прояснить, какое место занимают в истории культуры русского народа праздники.

Ключевые слова: контаминированный праздник, диалектная система, православно-языческий синкретизм, лингвокультурологический компонент, двоеверие.

В духовной жизни русского народа большое место занимают праздники, являющиеся одной из наиболее устойчивых форм культуры и истории народа с его богатыми традициями. В разные исторические эпохи появлялись новые праздники. Большинство из них исчезли, но некоторые вошли в нашу жизнь на многие века. В диалектной системе зафиксирована богатая система номинаций, связанная с понятием праздник. В сознании носителей диалекта сохранились языческие, религиозные праздники, со временем уходящие в историю. В картотеке Архангельского областного словаря зафиксированы лексемы, обозначающие общее название праздника: *годовой праздник* («большой религиозный праздник годового круга христианской православной церкви»), *вековой праздник* («древний праздник»), *крестовой праздник*, *престольной праздник*, *двенадцатой (двунадесятой) праздник* («каждый из двенадцати главных православных праздников»), *большой, маленькой праздник, съезжой праздник, гостебна (я) неделя* («праздничная неделя, в течение которой гости остаются жить в деревне, где отмечается престольный праздник»). Материалы картотеки указанного выше словаря свидетельствуют о широкой распространенности сочетания *съезжой праздник*, в котором отражена такая важная черта праздничества, как соборность, общественный характер, восходящий к эпохе языческого развития, когда на праздники сходились люди сел и совершали обряды вместе. Следует отметить, что каждый населенный пункт Архангельской области имел свой праздник, на который съезжались люди из других деревень: *Петров день* — Лебское, Кеврола, Тавреньга; *Егорей праздник* — Спицыно, Часовенская; *Троица* — Шеино, Прилуки; *Ильин день* — Шегмас; *Спас* — Лебское; *Мокола* — Кеба и др. Отдельные праздники были съезжими для нескольких деревень. Некоторые населенные